

прикрывались, выдавая себя за французовъ, нѣмцевъ, испанцевъ, датчанъ, русскихъ, шведовъ— Ваше Величество можете быть увѣрены, что это англичане“.

Кромѣ этого извѣстно, что Наполеонъ въ разговорѣ съ Чернышевымъ сказалъ: „Если англичане продержатся еще нѣсколько времени, я не знаю, что тогда будетъ и что намъ дѣлать?“ Ясно, что Наполеонъ былъ увѣренъ въ томъ, что его слова не замедлятъ дойти до Императора Александра. Союзники Франціи должны были понять, что вопросъ о континентальной блокадѣ былъ вопросомъ жизни или смерти для имперіи Наполеона. Если они не умѣли этого уразумѣть, они уже не были союзниками его, но являлись измѣнниками. Онъ долженъ былъ силою принудить къ повиновенію, другого исхода у Наполеона не было. Отказъ Россіи отъ блокады, прямой или косвенный, непременно заставлялъ Наполеона воевать съ ней, хотѣлъ онъ этого или нѣтъ. Вотъ почему споръ о томъ, кто былъ виновникомъ отечественной войны 1812 г., является совершенно напраснымъ и празднымъ.

Причиною были тѣ самыя условія, которыя въ 1809 г. предупредили войну. Если въ дни Эрфуртскаго свиданія настроеніе русскаго общества было таково, что Императоръ Александръ могъ въ послѣдній разъ сыграть роль „друга“ Наполеона и надѣялся извлечь изъ этого пользу, то въ концѣ 1810 г. рисковать подобной попыткой было невозможно, такъ какъ это былъ моментъ, когда всѣ наблюдатели, безъ различія взглядовъ, констатировали полное отсутствіе „довѣренности и усердія“ къ русскому правительству со стороны его подданныхъ.

Тильзитскій миръ унизилъ національную гордость, нисколько не измѣнивъ мысли о мщеніи, и народная ненависть къ Наполеону росла еще болѣе. Дворянство было особенно сильно встревожено сближеніемъ двухъ императоровъ и, зная характеры ихъ, не сомнѣвалось въ томъ, что Александръ подчинится Наполеону. „Тильзитскій миръ, —говоритъ въ своихъ запискахъ А. С. Шишковъ:— уничтожилъ иго могущественной Россіи принятіемъ самыхъ постыднѣйшихъ для нея условій, превратившихъ презираемаго и страшившагося насъ Бонапарта въ грознаго Наполеона“.

